

Глава 251: Дао алхимии Мэн Хао!

Все до единого Практики Секты Черного Сита на огромной площади восторжено следили за происходящим. Последнее заявление ударило в них словно молния, словно громовой раскат он до сих пор гудел у них в голове.

«Кузница Небес дарует жизнь бесконечным переменам солнца и луны!»

Эти слова раз за разом звучали в головах присутствующих. Красивая женщина во все глаза уставилась на Мэн Хао. Патриарх Пурпурное Сито рядом с ней потрясенно прикрыл глаза. Тишину нарушил возглас Чэнь Цзяси:

— Ты...

Чэнь Цзяси изменился в лице. Откуда ему было знать, что слова Фан Му окажутся настолько резкими? Тезисы Мэн Хао подобно острым клинкам вонзались в его сердце. Чжоу Дэкунь судорожно вздохнул, пытаясь унять дрожь в ногах. Он не испытывал ни капли счастья, на самом деле буквально пару секунд назад он не видел слова Чэнь Цзяси ни одного изъяна. Но после заявления Фан Му, глубоко внутри он знал, что юнец был абсолютно прав. Чэнь Цзяси сделал глубокий вдох, дабы собраться с мыслями.

— Грандмастер Фан, ты застал меня врасплох, — произнес он, не спуская глаз с Мэн Хао. — вот только совершенно неважно, о чем ты говорил: о солнце и луне, о небе или о кузнице Неба и Земли. Алхимия — это путь. Все виды трав и растений могут быть переплавлены в целебные пилюли. Все духи и души могут быть переплавлены в дух пилюли! Сейчас я не согласился с тезисом Грандмастера Чжоу относительно неизменного «Я» и хранящихся в алхимических рецептах неисчислимых вариаций. Я ничего не говорил про упомянутые тобой бесконечные перемены солнца и луны. По моему мнению, алхимики должны постичь трансформацию собственного «Я». Только приняв эту трансформацию, становится возможным создать неисчислимое число вариаций. Только так можно говорить про бесконечное количество рецептов или переплавке существующих с древних времен бесчисленного множества видов целебных пилюль.

— Ты упомянул, что человек может создать неисчислимое число вариаций, — невозмутимо отозвался Мэн Хао, он вновь говорил спокойно и с расстановкой. Волосы стоящего на платформе Мэн Хао развивал ветер, отчего не все смогли разглядеть яркий блеск в его глазах. — Неисчислимое число вариаций? Ветер и облака, гром и молния — все они результат небесных перемен. Дрожь земли, растущие горы, текущие реки — это результат земных перемен. Какое ты отношение имеешь к переменам Неба и Земли? Теперь с небес идет дождь по воле Грандмастера Чэна? Грандмастер Чэнь, твоя воля заставляет горы вздыматься, или быть может по твоей воле они рушатся? Это мой второй вопрос. Однако можешь на него не отвечать, поскольку у тебя ничего не выйдет! На самом деле ты никакой не Грандмастер. Даже если ты станешь им в будущем, ты никогда не будешь достоин заявить права на эти бесконечные перемены. Как сердце может хранить в себе бесконечные перемены Неба и Земли? Курам на смех! Ты такой же самодовольный и тщеславный человек, как Правитель Княжества Елан[1]. Ты действительно себя переоцениваешь!

Мэн Хао говорил это с издевкой в голосе, копируя манеру речи Чэнь Цзяси, когда тот публично пытался унижить Чжоу Дэкуна. Его слова прогремели подобно удару молнии, заставив Чэнь Цзяси скривиться.

— Ты... остер на язык! Очевидно, что я не это имел ввиду. Ты сильно преувеличиваешь мои

слова. Я говорил о философии переплавки пилюль!

— Философии? Интересно, расскажи поподробней.

— Я говорил лишь о философии перемен, — выпалил Чэнь Цзяси, — возьми лучшее из множества учений и, соединив их вместе, получи что-то свое. Вбери в себя лучшие аспекты твоего окружения. Удали лишний осадок, существующий в себе самом. Переплавляй пилюли так, как бы переплавлял самого себя! Достигнув совершенства, можно будет ступить на путь к вершине, где станет возможным применить всю силу перемен!

Собравшиеся ученики Секты Черного Сита одобрительно кивали, похоже многие были согласны с его тезисом. Поэтому Чэнь Цзяси продолжил голосом способным крошить гвозди и рвать железо:

— Чем-то это похоже на художника, рисующего гору. Сначала он наблюдает за миллионом гор, после чего уже может нарисовать свою собственную. Гора из-под его кисти будет содержать в себе эссенцию ранее увиденных им гор, так рождаются настоящие шедевры! Также миллионы маленьких ручейков, слившись вместе, становятся великой и бескрайней рекой! Вот о какой философии я говорил. Собери лучшее из множества учений и соедини их в себе! Это мой путь, именно с ним я достиг Дао алхимии! — он взмахнул рукавом и сверкнул глазами в сторону Мэн Хао. — Мне тоже любопытно узнать, какова философия алхимии у Грандмастера Фана!

Его слова эхом отдавались в сердцах десятков тысяч учеников Секты Черного Сита. Хань Бэй выглядела задумчиво. Чжоу Дэкунь, стоящий позади Мэн Хао, полностью погрузился в себя. Выражение лица Мэн Хао не изменилось, он посмотрел на Чэнь Цзяси и снисходительно произнес:

— Художник наблюдает за миллионом гор, затем рисует одну, возможно в этом случае в картине будет содержаться эссенция увиденных им гор. Однако нарисованная им гора... ненастоящая. Она плод его воображения; она порождение веры художника в то, как гора должна выглядеть. В действительности, повидав на своем веку столько гор, он уже давно забыл, как выглядит первая увиденная им гора. Из его памяти уже давно стерлись воспоминания и ощущения того, когда он взглянул на свой первый горный пик. Миллионы ручьев, соединившись вместе, становятся великой и бескрайней рекой. Но эта река... перестала быть ручьем, коим она была раньше. Теперь это обычное скопление воды, лишённое индивидуальности. Первый ручей, который мечтал стать рекой, уже мертв, убитый собственным желанием. Желание и стремления стали причиной того, что художник забыл свою первую гору, и тем самым саму причину, почему он изначально захотел нарисовать гору. В желании стать рекой ручей потерял самого себя. В процессе становления рекой, его воля слабела, пока вовсе не исчезла.

Голос Мэн Хао медленно нарастал.

— Вот мой третий вопрос. Соединив в себе множество идей разных учений, ты потерял самого себя. Ты думаешь, что извлек пользу, но на самом деле у тебя больше нет своего собственного пути. Если у тебя нет собственных идеалов, на которые можно равняться, тогда ты похож на человека, который увидел миллион гор, но забыл почему вообще захотел нарисовать гору! Без принципов, на которые можно опираться, ты ручей, пожелавший стать рекой. Вот только у такой реки нет души! А это истинная смерть!

Мэн Хао взмахнул своим широким рукавом. От его слов у Чэнь Цзяси закружилась голова.

— Как Практики, мы должны придерживаться наших собственных принципов. Как алхимики,

мы должны придерживаться нашего собственного Дао алхимии. Окружающие нас люди и другие учения могут лишь укрепить или поддержать нашу уверенность. Но мы ни в коем случае не должны позволить процессу поиска затмевать нам глаза на наши идеалы. Если сердце непреклонно, тогда ничто не способно заменить его. Может показаться, что такое сердце хранит в себе перемены, но на самом деле это базис, фундамент. От начала и до самого конца оно никогда не исчезнет. Оно будет существовать вечно. Неизменное сердце!

Громогласные слова Мэн Хао сотрясли площадь. Лицо Чэнь Цзяси перекошило, растерянно хлопая глазами, он неосознанно попятился на несколько шагов.

— Если твое сердце податливо, как ты можешь создать что-то действительно вечное?! — продолжил Мэн Хао. — Грандмастер Чэнь, твое сердце лишено решимости. Откуда берется твоя уверенность, когда ты рассказываешь нам про чужие учения? Откуда берется твоя храбрость, когда ты беззастенчиво бахвалишься о смешении чужих идей в собственный путь? Как ты смеешь говорить со мной о Дао алхимии?

Тишина на площади продержалась всего мгновение, после чего толпа зрителей возбужденно загомонилась. Чэнь Цзяси было трудно дышать, в его голове царил настоящий хаос. Чжоу Дэкуна позади Мэн Хао была крупная дрожь, у него начала немножко кружиться голова. Совершенно неожиданно для себя он внезапно осознал, почему за столько лет так и не стал Пурпурным Мастером Тиглей. «Все эти годы я слишком много внимания уделял Дао алхимии людей вокруг меня, — думал он, — я случайным образом подхватывал идеи то тут, то там... Совершенно забыв про путь, которому я изначально хотел следовать... Если твое сердце податливо, как ты можешь создать что-то действительно вечное?»

Патриарх Пурпурное Сито и красивая женщина многозначительно переглянулись. Только краснолицый старик рядом с ними так и не открыл глаз и не пошевелил ни единым мускулом. Ученики Секты Черного Сита не стесняясь обсуждали услышанное. Слова Мэн Хао взбудоражили спокойный океан в их сердцах.

— Ты... — выдавил бедный Чэнь Цзяси, Ли Имин рядом с ним тяжело дышал.

Мэн Хао взмахнул рукавом, его следующие слова прозвучали, как небесный гром:

— Благодаря существованию неизменного «Я», сердце может выдержать бесконечные перемены солнца и луны, колоссальные бури Неба и Земли и трудный путь сквозь тысячи гор и рек[2]. Дао алхимии вечен. Бессчетное число перемен, содержащихся в сердце — это алхимический рецепт. Неизменное «Я» — это алхимическая печь. Я — алхимическая печь, а мое сердце — алхимический рецепт. Переплавь то, что внутри, дабы достичь Бессмертия. Переплавь то, что снаружи, дабы достичь бескрайнего Дао алхимии. Соедини их вместе и получишь Истину алхимии. Алхимия — это Небеса! Алхимия — это Земля! Алхимия — это целый мир! Вот мой Дао алхимии!

Наконец даже краснолицый Практик открыл глаза и посмотрел на Мэн Хао. Каждый Практик Секты Черного Сита вне зависимости от Культивации и статуса сейчас не мог оторвать глаз от Мэн Хао. Над площадью нависла гробовая тишина, пока собравшиеся на ней люди с блеском в глазах наблюдали за человеком на платформе. Чжоу Дэкунь восторженно смотрел на Мэн Хао. К этому моменты в его сердце развеялись последние сомнения. На их место пришли страсть и гордость. Всё благодаря Фан Му, алхимику Подразделения Пилюли Востока! Старик Чжоу про себя уже всё решил: по возвращению в Секту он приложит все силы, чтобы остальные Мастера Тиглей приняли Фан Му. На самом деле, после этих дебатов довольно скоро весь Южный Предел будет говорить только о Фан Му.

Бледный Чэнь Цзяси начисто лишился боевого духа. Пока его товарищ Ли Имин что-то неразборчиво бубнил себе под нос, у него по лбу градом валил холодный пот. Чего никто не мог знать так это того, что он раз за разом повторял последние слова Мэн Хао, запечатывая их в свое сердце.

Неописуемая тишина накрыла площадь. Слова Мэн Хао поразили собравшихся до глубины души. Патриарх Пурпурное Сито и остальные Практики стадии Зарождения Души сейчас думали примерно об одном и том же: «У этого юнца... огромное будущее!» Внезапно тишину пререзал истошный вопль Чэнь Цзяси:

— Вздор!!! — с криком он запрыгнул на платформу и встал напротив Мэн Хао, его налитые кровью глаза, при взгляде на Мэн Хао, гневно полыхали: — Ты простой, бесстыжий юнец с острым языком! Если бы словами можно было переплавлять пилюли, тогда даже смертные могли бы заниматься алхимией! Я практикую Дао алхимии уже много лет. Я запомнил сотню тысяч вариаций целебных трав и растений. Я знаю восемь тысяч способов прививки вариаций[3]! Когда как ты хитростью и обманом стал Мастером Тиглей. На самом деле ты ничем не отличаешься от обычного мастера-алхимика! Хватит ли тебе духу состязаться со мной?

У Чэнь Цзяси не осталось другого выхода. Вся его изначальная агрессия была в пух и прах разбита изобличающей отповедью Мэн Хао. Он чувствовал себя так, словно ему залепили смачную пощечину, словно ему в грудь вонзили острый кинжал. Слова Мэн Хао были прямой атакой на него, как на алхимика.

— О каком состязании идет речь? — холодно спросил Мэн Хао. Его глаза были холодны, как две сверкающие льдинки, для себя он уже решил, что полностью раздавит Чэнь Цзяси.

[1] Существует предание эпохи Хань о том, как в княжество Елан, находившееся на юге Китая, приехал китайский посол, и тамошний правитель с высокомерием спросил его, не думает ли тот, что Китай больше его собственного княжества. Поведение этого правителя стало синонимом невежественной самонадеянности, бесстыдного хвастовства и мании величия. — Прим. пер.

[2] Обр. в знач.: долгий и трудный путь. — Прим. пер.

[3] При прививке черенок или почка одного растения приживляется на другое. При этом не обязательно, чтобы сорта или виды растений совпадали. Растение, выросшее из привитого черенка или почки, сохраняет все характеристики материнского растения, от которого они взяты. — Прим. пер.